

§ 3. КАК БЫТЬ С ВЕЧЕМ? — НОВГОРОД

Иные тенденции развития просматриваются в Новгороде, и они пока не получили адекватной интерпретации в историографии.

В принципе, попытки создания неких коллегиальных органов власти, более узких по составу, нежели вече, в Новгороде предпринимались. Первой такой попыткой можно считать избрание своеобразного комитета из двух человек во время упомянутых выше беспорядков 1228 г., в ходе которых был изгнан с кафедры владыка Арсений, а на его место возвращен Антоний (Добрыня Ядрейкович)¹²⁵. Как сказано в летописи, «заутра вѣвѣдоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисѣвиця, Микифора щитник»¹²⁶. По поводу того, кем были эти два человека, в историографии шли дискуссии, и есть уже весьма значительная литература. Как правило, считается, что Микифор Щитник был ремесленником (на основании прозвища), а Якун Моисеевич — боярином (на основании наличия отчества на «-вич»). Высказывались, однако, и другие мнения. Обычно сторонники скептического взгляда на новгородскую «демократию» пытаются «повысить» статус Микифора, предлагая считать его воином. Это маловероятно, но, конечно, полностью такую возможность отрицать нельзя¹²⁷. Не всё просто также и с Якуном. Отчество на «-вич» в Новгороде, как показывают накапливающиеся данные, ни в коей мере нельзя считать свидетельством аристократического происхождения, по крайней мере, в домонгольское время¹²⁸. Впрочем, косвенно в пользу достаточно высо-

125 ПСРЛ. Т. III. С. 66–67.

126 Там же. С. 67.

127 См.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 223–226.

128 Гитиус А. А., Михеев С. М. «Убийцы великого князя Андрея». Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne. 2020. № 2. С. 84.

кого положения Якуна, может быть, говорит его имя скандинавского происхождения.

Для нас в данном случае важно все же другое. В Новгороде был создан некий орган для контроля над владычной кафедрой. Какова была социальная сущность этого органа, также вопрос неоднозначный. Наиболее убедительной представляется точка зрения Б. Н. Флори, сопоставившего эти события с предоставлением в 80-е гг. XII в. права опеки над архиепископской кафедрой сотским¹²⁹. Это был орган, созданный *ad hoc*, призванный гарантировать стабильное функционирование важнейшего общественно-политического института в условиях кризиса, тем более что возвращенный на кафедру архиепископ Антоний был фактически недееспособен («онѣмѣ» и болел более шести лет¹³⁰). Но, в отличие от венецианских структур подобного рода, он уже в следующем году исчез без следа.

Нет смысла перечислять все внутренние конфликты в Новгороде, составлявшие во многом основное содержание тамошней политической жизни. Отметим только некоторые, закончившиеся расправами над высшими должностными лицами.

В августе 1257 г. умер посадник Анания, но уже «на зиму убиша Михалка посадника новгородци»¹³¹. Речь идет о представившем Прусскую улицу посаднике Михалке Степаниче¹³², который стал жертвой сложного конфликта, обусловленного социальными противоречиями между «вячшими» и «меншими»,

129 Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 71, 73–75.

130 ПСРЛ. Т. III. С. 72.

131 Там же. С. 82.

132 Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 208–209.

борьбой кланово-территориальных группировок, жесткой политикой в отношении Новгорода владимирского великого князя Александра Невского. Летописец отзываясь на это, в общем-то, экстраординарное событие фразой, основанной на максиме из библейской книги Екклесиаста: «Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копая подъ другомъ яму, сам ся в ню въвалить»¹³³. С этим можно только согласиться, но никакого конкретного способа избегать таких трагедий в будущем новгородский книжник не предлагает.

То, что происходило с дожем Витале II Микьелем в 1172 г., отчасти похоже на то, как разворачивалась ситуация в Новгороде значительно позже, в 1346 г.: «Того же лѣта прииха князь Литовьскыи Олгердъ съ своею братьею съ князи и со всею Литовьскою землею, и ста в Шелонѣ, на усть Пшаги рѣкы, а позывая новгородцовъ: “хочю с вами видѣтися; лаялъ ми посадникъ ваш Остафеи Дворяницъ, назвал мя псомъ”. И взя Шелону и Лугу на щить, а с Порховьского городка и съ Опоки взя окупъ; а новгородци выихаша противу ему в Лугу и, въспятившесе въ город, позвониша вѣче и убиша Дворяниньца посадника на вѣцѣ, а ркуще, яко “в тобѣ волость нашу взяша”»¹³⁴. Поводом для убийства посадника стала, как и в случае с венецианским дожем, внешнеполитическая неудача — конфликт с могущественным великим князем Литовским Ольгердом. Как и в случае с Витале II Микьелем, расправа последовала на городском собрании, созванном возвратившимся новгородским войском. Принципиально отличается, однако, описание. Если венецианские хронисты убийство дожа решительно осуждают, изображая дело таким образом, что большинство венецианцев были к этому как бы непричастны, то новгородский

133 ПСРЛ. Т. III. Стб. 82.

134 Там же. Стб. 358–359.

летописец излагает обстоятельства расправы над Остафием совершенно беспристрастно. У читателя этого текста не складывается впечатления, что речь идет о чем-то недопустимом, что должно быть предотвращено. Трудно сказать, с чем были связано отсутствие даже морального осуждения убийства в данном случае, но нельзя исключать, что это также предопределялось кланово-территориальной борьбой: Остафий представлял, по-видимому, Плотницкий конец, а еще в предыдущем, 1345 г., он смешался с посадничества, которое было передано Матфею Варфоломеевичу Козке, представителю Неревского конца¹³⁵. На момент своего убийства Остафий был, вероятно, уже «старым» посадником, и именно в этом смысле назван посадником в летописи: о возвращении его на пост посадника в 1345–1346 гг. не говорится, хотя и этого исключать нельзя: во всех списках посадников, включенных в летописи, Остафий Дворянинец фигурирует *после* Матфея Козки¹³⁶. Так или иначе, имела место расправа с влиятельным новгородским сановником.

Массовые беспорядки происходили в Новгороде и в более позднее время. В XV в. наиболее известно так называемое «восстание Степанка» 1418 г. Наиболее подробный (хотя и небезупречный с источниковедческой точки зрения) анализ этих событий содержится в монографии А. В. Петрова, о нем писали и предшествующие исследователи (В. Н. Бернадский, В. Л. Янин и др.)¹³⁷, поэтому

135 ПСРЛ. Т. III. С. 358. См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 259–262; Дубровин Г. Е. О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 49–51.

136 Там же. С. 164, 471; Т. IV. Ч. 1. С. 626; Т. XXIII. С. 165–166.

137 Петров А. В. От язычества... С. 271–291 (см. там же историографию вопроса; главный недостаток — отсутствие ясных представлений о летописной текстологии: автор приравнивает С1 и поздние Новгородские II и III летописи, не знает об общем источнике новгородско-софийских летописей и т. д.).

нет необходимости пересказывать их ход. Для нас здесь существенно следующее. Беспорядки начались с конфликта некоего Степанка и боярина Данила Ивановича Божина, но потом приобрели масштабный характер. Степанко «изымал» («имал») боярина и «вопяше людем: “а господо, пособите ми тако на злодѣя сего”». «Людие же», услышав его крики, «влечахут акы злодѣя к народу и казниша его ранами близъ смерти, и сведше с вѣца, сринуша и с мосту». Выясняется, что речь идет не просто о стихийной акции, а о вечевой расправе, традиционно для Новгорода закончившейся скидыванием признанного виновным с моста. Даниила Божина, однако, спас «[н]ѣкто же людинъ, Личковъ сынъ», который хотел ему добра и «вѣсхити его в челнъ». Далее события приобрели лавинообразный характер и вылились в столкновение между двумя сторонами Новгорода, Софийской и Торговой, осложненное социальным взрывом: «И от того часа нача злоба множитися: прибѣгше они на свою Торговую сторону и рѣша, яко Софѣйская страна хочеть на нас вѣоружатися и дома наша грабити; и начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскивати съ обою страну, акы на рать, в dospѣсѣх на мость великыи; бяше и губление: овы от стрѣлы, овы же от оружия, бѣша же мертвии акы на рати; и от грозы тоя страшныи и от возмущения того великаго вѣстрясеся весь град и нападе страх на обѣ страны». Летописец специально подчеркивает, что в ходе погромов были разграблены «дома» и житницы боярские¹³⁸. В летописях решительно осуждается эта кровавая междоусобица и подчеркивается роль архиепископа Симеона, который выступил в качестве посредника, примирившего враждующие стороны. Но опять-таки ничего не говорится о каких-либо решениях, которые были приняты для предотвращения подобного в будущем.

И действительно, уже в 1421 г. происходят очередные беспорядки, непосредственно связанные с недовольством посадником и кланово-территориальными противоречиями: «...восташа бранью два конца, Неревьский и Славеньский, за Климентѣя Ортѣмьина, про землю, на посадника Ондрѣя Ивановича, и пограбиша дворъ его в доспѣсехъ, и иныхъ бояръ разграбиша дворы напрасно, и убиша Андрѣевыхъ пособъниковъ 20 чловѣкъ до смерти, а Неревлянъ 2 чловѣка, и умиришася»¹³⁹. И вновь, несмотря на некоторое — впрочем, довольно вялое — осуждение этого кровавого столкновения, жертвами которого стали 22 человека, никакого конкретного выхода из ситуации не предлагается.

Между тем, по-видимому, и тогда, и раньше определенные меры в Новгороде принимались, но эксплицитно о них в новгородском владычном летописании, в отличие от венецианских хроник, никогда не говорилось. Что это за меры и откуда мы о них знаем (или догадываемся о них)?

В соответствии с концепцией В. Л. Янина, история Новгородской республики во многом представляла собой борьбу боярской олигархии, с одной стороны, за автономию от князя, с другой — против социальных низов, за обеспечение своего полного господства и недопущение покушений на собственную монополию на власть. В рамках этого представления родилась концепция о череде реформ государственной власти, прежде всего посадничества (но также и других институтов, в частности тысяцкого), направленных на достижение этой цели. В конечном счете, как отмечалось в предыдущей главе, это привело к консолидации элиты и фактической ликвидации вечевого строя. Если это так, то политическую эволюцию Новгородской республики можно считать тождественной политической эволюции респуб-